

Екатерина
Морозовна

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИЦА
ЛЮБОВЬ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

Екатерина Мордвинцева

Срочно требуется помощница.

Любовь не предлагать

<https://litres.ru/74211532>

Аннотация

Правило первое: не паниковать. Правило второе: оценить ресурсы. Правило третье: составить план. Алиса следует своему внутреннему протоколу даже тогда, когда падает с водопада в мир с двумя лунами. Её находка — шанс для графа Вальтера фон Адлера спасти сына от судьбы, которая забрала у него жену. Их договор: её аналитический ум в обмен на крышу над головой. Но что делать, когда холодные расчёты сталкиваются с тёплой, живой и абсолютно непредсказуемой реальностью? Когда самые строгие правила оказываются бессильны перед тем, что нельзя прописать в контракте?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	47
Глава 7	56
Глава 8	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Глава 1

Мой последний рабочий день начался с того, что я пришла в офис на час раньше. По привычке. По идиотской, вымуштрованной годами привычке, которая уже не имела никакого смысла. Контр-пропуск на проходной щёлкнул с тихим, предательским звуком — «доступ аннулирован». Охранник, новый, которого я ещё не успела внести в свой внутренний справочник «Знакомые лица/Имена», кивнул мне с безразличным сочувствием и вручную открыл турникет. «Сокращенным, — говорил его взгляд, — проходите».

Коридор на восемнадцатом этаже был пуст и молчалив. Только гул кондиционеров и приглушённый звон где-то в стенах — вероятно, тянули оптоволокно. Свет давали только дежурные лампы, и мой кабинет, вернее, бывший мой бокс в open-space, тонул в сизых сумерках. Я включила свет. Моё пространство — метр двадцать на метр восемьдесят — уже не было моим. Оно было стерильным, как операционная после уборки. На столе, застеленном серым сукном, лежали три аккуратных картонных коробки. Я сама их сложила вчера, после официального уведомления.

На каждой коробке — инвентарная опись, напечатанная на листе А4 и аккуратно приклеенная скотчем по всем четырём сторонам. Моё имя, отдел, дата.

Коробка №1 (канцелярия):

Ручка Parker Sonnet (чёрные чернила, перо F) — 1 шт.

Гелевые ручки Pilot G-2 (синий, 0.7 мм) — 3 шт.

Степлер Bostitch — 1 шт.

Скобы №10 — 1 коробка.

Линейка стальная 30 см — 1 шт.

Корректирующая лента — 2 шт.

Стикеры цветные, набор — 1 шт.

Коробка №2 (личные предметы):

Фотография в рамке (мама, дача, 2015 г.) — 1 шт.

Керамическая чашка «Не буди юриста до кофе» — 1 шт.

Запасной свитер (чёрный, V-neck) — 1 шт.

Аптечка первой помощи (минимум) — 1 шт.

Зонт складной — 1 шт.

Коробка №3 (документы, копии):

Трудовая книжка (ксерокопия, заверенная) — 1 комплект.

Дипломы и сертификаты (копии) — 1 папка.

Ключевые проекты за 2022-2023 гг. (архив на флешке и распечатка оглавления) — 1 шт.

Кактус «Цереус», упакованный в пузырчатую плёнку — 1 шт.

Кактус звали Генрихом. Я поливала его каждый вторник и пятницу, отмеряя ровно 30 мл дистиллированной воды из мерного стаканчика. Он никогда не цвёл, но и не умирал. Просто был. Стабильной, немой, колючей точкой в моей системе координат.

Я села в кресло, которое уже не моё, и включила компьютер. Пароль сработал. Последний раз. На экране заставка — нейтральная, стандартная, горный пейзаж от IT-отдела. Ничего личного. Я открыла календарь. Сегодняшний день был пуст. Ни звонков, ни встреч, ни дедлайнов. Только одна автоматическая пометка, внесённая системой две недели назад: «Последний рабочий день. Сдача оборудования. В 15:00 — финальная встреча в переговорной «Альфа» (HR)».

Время — 08:17. До встречи с отделом кадров — шесть часов сорок три минуты.

До конца моей карьеры в «Векторе» — шесть часов сорок три минуты.

До конца всего, что я считала надёжным фундаментом своей жизни... примерно столько же.

2.

Люди начали подтягиваться к девяти. Шум голосов, смех у кофемашины, скрип кресел. Мой островок молчания был словно обнесён невидимой стеклянной стеной. Ко мне подошла только Маша из соседнего отдела, та самая, что всегда брала мою синюю гелевую ручку и никогда не возвращала. Она положила на край стола шоколадку «Алёнка».

— Ал, держись, — пробормотала она, быстро, чтобы не видеть моих глаз. — Ты крутая. Всё наладится.

Она убежала. Шоколадка лежала на столе, ярко-жёлтая, инородное тело в моём выверенном до миллиметра пространстве. Я взяла её, положила в ящик, который уже был

пуст, и закрыла. Всё должно быть на своих местах. Даже в последний день.

В десять позвонила мама. Я вышла в стеклянную капсулу для звонков.

— Аллочка, ты как? Ну что там?

— Всё в порядке, мам. Отрабатываю последний день. Всё цивилизованно.

— Цивили... Ну, ладно. А выходное пособие? А рекомендации?

— Всё будет. Всё прописано.

В её голосе звучала та же паника, что клочкотала у меня где-то под рёбрами, но мы обе делали вид, что всё под контролем. Мы, Соколовы, так умеем. Держать лицо. Соблюдать протокол. Даже когда мир рушится.

— Приезжай тогда на дачу, отдохнёшь, — сказала она, и я слышала, как она сдерживает дрожь.

— Обязательно. Составлю список продуктов, которые нужно взять.

После звонка я ещё минут пять смотрела на город за стеклом. Он жил своей жизнью, упорядоченной и безразличной. Машины ползли по своим полосам, люди шли по тротуарам. Всё по плану. Только мой план кончился.

3.

Паническая атака подкралась не как цунами, а как ядовитый туман. Сначала — лёгкое головокружение, когда я пыталась открыть файл с отчётом за прошлый квартал, просто

чтобы чем-то занять руки. Буквы поплыли. Потом в ушах зазвенело. Я закрыла глаза, сделала глубокий вдох, как учили в той единственной статье про когнитивно-поведенческую терапию, которую я когда-то законспектировала.

«Симптом: учащённое сердцебиение. Действие: дыхание 4-7-8. Вдох на 4, задержка на 7, выдох на 8».

Не сработало.

Сердце не билось, оно трепыхалось, как пойманная птица. Ладони стали ледяными и липкими. Воздух в кабинете, который всегда был прохладным и свежим, вдруг стал густым, спёртым. Мне не хватало кислорода. Я пыталась вдохнуть полной грудью, но лёгкие не расширялись, словно их сдавили тугие бинты.

Это было невыносимо. Не из-за страха смерти — нет. Из-за потери контроля. Мой собственный организм, эта биологическая машина, которую я содержала в порядке правильным питанием, графиком сна и ежегодной диспансеризацией, взбунтовался. Он вышел из-под управления. Система дала сбой в самой главной, базовой подпрограмме — в поддержании жизни.

Я встала, стараясь двигаться плавно, чтобы не привлечь внимания. Пошла к туалету. Умылась ледяной водой. Смотрела в зеркало на своё бледное лицо, на широкие зрачки. «Алиса Соколова, тридцать два года, юрист. Сокращена. В панике». Факты. Только факты. Они не помогали.

Именно тогда пришло приглашение в календарь: «Сроч-

но. Переговорная «Альфа». Виолетта Эдуардовна (НР), Дмитрий Петрович (начальник юридического отдела)». Встречу перенесли. С 15:00 на 11:30. Не дали дотерпеть до конца. Решили поскорее отрезать.

4.

Переговорка «Альфа» пахла новым пластиком и страхом. Длинный стеклянный стол отражал безликий потолочный свет. Виолетта Эдуардовна сидела с видом скорбящей, но непреклонной жрицы кадрового ритуала. Дмитрий Петрович, мой бывший начальник, избегал моего взгляда, уставившись в свой ноутбук.

— Алиса Викторовна, мы ценим ваш вклад, — начала Виолетта, и её голос прозвучал как запись плохого аудиогида. — Решение далось руководству нелегко, но это глобальная оптимизация... Ваше выходное пособие рассчитано в полном соответствии с ТК, разумеется. И рекомендательное письмо мы подготовим...

Она говорила, а я смотрела на её ярко-красную помаду. Контур был слегка смазан в уголке губ. Деталь. Глупая, ничтожная деталь, на которой можно было зацепиться, чтобы не упасть в эту черноту, накатывающую с краёв сознания.

Но чёрное наступало. Звон в ушах нарастал, превращаясь в рёв. Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышат все в комнате. Я сжала руки под столом, впиваясь ногтями в ладони. Боль — это ясно. Боль — это точка опоры.

— ...так что мы надеемся на понимание с вашей сторо-

ны, — закончила Виолетта Эдуардовна и посмотрела на меня ожидающе.

Я открыла рот. Мне нужно было сказать что-то. Что-то деловое, цивилизованное. «Благодарю за сотрудничество». «Понимаю ситуацию на рынке». Но из горла вырвался только сдавленный, хриплый звук. И предательская дрожь в губах.

— Мне... нужно выйти, — выдавила я, и мои собственные слова прозвучали до боли чётко и громко в оглушающей тишине комнаты.

Я не помнила, как встала. Как прошла между кресел. Как открыла тяжелую дверь переговороки. Я шла по коридору, и стены казались мягкими, плывущими. Голоса коллег доносились как из-под воды. Кто-то окликнул меня. Я не обернулась.

Лифт. Зеркало в лифте. В нём стояла незнакомая женщина с пустыми глазами и идеально гладкой, собранной причёской. Это была я. И это была не я.

5.

В машине я просидела минут десять, просто уставившись в точку на торпедо. Дыхание выравнивалось, но внутри всё ещё тряслось, как желе. Куда? Вопрос висел в воздухе, густой и неразрешимый.

Домой? В квартиру, где уже ждали коробки из офиса? Где на холодильнике висел календарь с вычеркнутыми делами, последнее из которых было «Встреча с HR»? Нет. Я не могла.

Руки сами выполнили привычные движения: ключ, ре-

мень, зеркало. Двигатель завёлся с тихим урчанием. Палец сам потянулся к навигатору, ткнул в меню «Избранное». Там было только два пункта: «Дом» и «Офис». Я закрыла глаза и ткнула в случайное место на карте, увеличила. Горный массив. Природный парк. «Гремячинский водопад. 127 км».

Без мыслей. Без плана. Просто точка на карте. Просто вектор движения. Это было единственным, что удерживало меня от того, чтобы просто раствориться в кресле и исчезнуть.

Я поехала. Сначала по трассе, потом по узкому серпантину. Лес по бокам становился гуще, воздух холоднее. Окна были открыты, и ветер, свистящий в ушах, постепенно сдувал осколки паники, оставляя только пустоту и странное, леденящее спокойствие. Я не думала. Я была просто телом, ведущим машину по извилистой дороге.

6.

Водопад. Я никогда не любила туристов, природу «для галочки», но это... это было нечто иное.

Я оставила машину на пустой стоянке, прошла по мшистой тропинке. Шум нарастал с каждым шагом — сначала лёгкий гул, потом рокот, и наконец, всепоглощающий, первобытный рёв. Воздух вибрировал. На лице оседала мельчайшая водяная пыль.

И вот он.

Стена воды, низвергающаяся с высоты пятиэтажного дома. Белая, яростная, неудержимая. Она разбивалась о чёрные, отполированные веками валуны, вздымая облако ис-

крящейся взвеси. Это не было красиво. Это было могуче. Это был хаос в чистом виде — неконтролируемый, неорганизованный, не вписывающийся ни в какие таблицы. И от этого зрелища у меня внутри что-то щёлкнуло.

Мой собственный хаос, сжатый в комок под грудью, вдруг встретился с этим внешним, грандиозным. И он показался таким ничтожным. Таким смешным. Сокращение? Увольнение? Паника? Какие-то жалкие, человеческие, бумажные термины перед лицом этого.

Я стояла на краю смотровой площадки, мокрая насквозь, и смеялась. Тихо, почти беззвучно. Слезы текли по лицу, смешиваясь с водяной пылью. Я сбросила туфли на каблуках, которые так подходили к образу успешного юриста, и встала босыми ногами на холодный, шершавый камень.

И тогда я это почувствовала.

Сначала — как лёгкую вибрацию в подошвах. Потом — как дрожь в воздухе, отличную от вибрации от падающей воды. Будто сама реальность, ткань пространства, начала колебаться. Звук водопада не просто оглушал — он будто рвал что-то. Рвал плёнку, которая отделяла мой упорядоченный, предсказуемый мир от чего-то другого.

Я видела, как в самом центре водяного котла, там, где пена кипела особенно яростно, воздух... искривился. Он не был прозрачным. Он стал похож на радужную плёнку бензина на луже, но в тысячу раз ярче, плотнее. И эта плёнка трескалась.

Не было страха. Был только шок. И какое-то исступлён-

ное, нездоровое любопытство. Я сделала шаг вперёд. Ещё один. Камень под ногами был скользким.

«А что, если?..» — пронеслось в голове последней связной мыслью. Не мыслью юриста. Мыслью того дикого, забытого существа, что когда-то мечтало не о карьерной лестнице, а о приключениях.

Пространство передо мной разорвалось. Не с грохотом, а с тихим, чистым звуком, похожим на звон хрустального бокала. За разрывом не было ни водопада, ни камней, ни неба. Только ослепительная, всепоглощающая, абсолютная белизна.

Она накрыла меня с головой. Не было ни падения, ни полёта. Был просто... переход. Стирание.

Мой последний осознанный образ — это жёлтая обёртка от шоколадки «Алёнка», которую я так и не съела, кружащая в водяной пыли, прежде чем её поглотила белизна.

А потом не стало ничего.

Глава 2

Сознание вернулось ко мне не сразу. Оно пробивалось сквозь толщу какого-то липкого, бесшумного ваты. Сначала я почувствовала холод. Влажный, пронизывающий холод земли, впитывающийся в спину через тонкую ткань блузки. Потом — запахи. Сырая прелая листва, хвоя, цветочная сладость, которой не было в городском воздухе, и что-то ещё... металлическое, острое, как озон после грозы.

Я открыла глаза.

Надо мной было небо. Но не моё.

Тёмно-индиговое, бархатное, усыпанное звёздами, которых было в десятки раз больше, чем должно быть. И они мерцали странно: некоторые переливались зеленоватым, другие — сиреневым светом. А по этому небу плыли две луны.

Одна — большая, желтовато-белая, привычного вида, но раз в полтора крупнее. Другая — меньше, с фиолетовым отливом и шрамом из кратеров, похожим на стилизованную латинскую букву «Y». Они висели рядом, освещая лес призрачным, раздвоенным светом, который отбрасывал две слабые, перепутанные тени от каждого ствола.

Я лежала, не двигаясь, пытаюсь встроить это зрелище в какую-либо логическую схему. Сотрясение мозга. Галлюцинации. Кома. Пункт 1: оценить обстановку. Я медленно повернула голову. Вокруг — высокие, стройные деревья с се-

ребристой корой. Папоротники размером с человека. И грибы. Грибы светились. Мягким, голубоватым сиянием у подножия деревьев, как живые ночники.

«Химическое отравление. Угарный газ. Возможно, в водопаде был выброс токсичных веществ из геологического разлома», — лихорадочно работал мой мозг, цепляясь за последние остатки знакомой реальности.

Я попыталась сесть. Тело отозвалось тупой болью во всех мышцах, будто меня долго тащили по гравию. На мне была моя офисная блузка, юбка-карандаш, разорванная на колене, и один туфль. Второй исчез. Колготки в клочьях. Сумочка с документами и телефоном... Сумочки не было.

Паника, знакомая и уже почти родная, снова подкатила к горлу. Я заглотила её, сжав кулаки. Дышать. Наблюдать. Думать.

И тут я услышала шаги. Не тяжёлые, а легкие, почти неслышные. Из-за огромного папоротника вышла девушка.

Она была одета в практичные походные штаны из плотной ткани, высокие сапоги, и несколько слоёв туник и жилеток, из-под которых виднелись рукава узорчатой рубахи. В руках она держала не то посох, не то увесистую ветку с кристаллом на конце, который тускло пульсировал розовым светом в такт её шагам. Её волосы, цвета воронова крыла, были собраны в небрежный пучок, из которого выбивались пряди. На вид ей было лет двадцать пять. И она смотрела на меня не с испугом или удивлением, а с выражением глубокого, по-

что профессионального интереса, как учёный на редкий, но ожидаемый экземпляр.

— Ну вот, — сказала она, и её голос звучал хрипловато и устало. — Приплыли. Точнее, прилетели. Встать можешь?

Я не ответила. Я смотрела на неё, пытаюсь найти признаки съёмочной группы, розыгрыша, чего угодно.

— Где я? — наконец выдавила я. Мой голос прозвучал сипло и чужо.

— В Ивовом перелесье, в трёх лигах от Энвилл-тауна, — ответила девушка, как если бы это было очевидно. Она подошла ближе, присела на корточки, внимательно оглядев меня с головы до ног. — Уши целы, глаза на месте, руки-ноги прикреплены... Стандартный набор. Как самочувствие? Тошнит? Голова кружится? Звенит в ушах?

— Я... — я снова попыталась сообразить. — Две луны.

— Да, — девушка кивнула, следуя за моим взглядом. — Сестра и Пасынок. Сестра — та побольше, Пасынок — поменьше. Они сейчас в фазе сближения, потому свет такой дурацкий, всё в двух тенях. Местные потом по этому свету грибы собирают, но это тебе пока не надо. Ты меня слышишь нормально?

Она говорила так, будто объясняла туристу расписание автобусов. Эта бытовая, почти скучная интонация отрезвила меня больше, чем крик или заклинания.

— Кто вы? — спросила я, пытаюсь придать своему голосу твёрдость. Получилось слабо.

— Меня Лерой зовут. А тебя?

— Алиса... Соколова.

— Алиса, — повторила она, будто пробуя на вкус. — Ничего. Имя сойдёт. Вставай, Алиса Соколова. Сидеть на холодной земле — плохая идея, даже если ты только что провалилась сквозь миры.

Она протянула руку. Я машинально взяла её. Её ладонь была тёплой, шершавой, с мозолями. Она потянула с такой небрежной силой, что я почти взлетела на ноги и тут же зашаталась. Мир поплыл. Лера ловко подхватила меня под локоть.

— Уф, ладно, с ногами проблемы. Ничего, пройдёт. Пройдётся.

— Провалилась сквозь миры? — повторила я её слова, чувствуя, как в голове щёлкает какой-то тумблер, переводящий всё в плоскость клинического бреда. — Это что, шутка? Где скрытые камеры?

Лера вздохнула, долгим, страдальческим вздохом человека, который уже десятки раз объяснял одно и то же.

— Слушай, милая. Нет тут никаких камер. Видишь грибы светятся? Видишь луны? Чувствуешь, как тут пахнет? Не пахнет твоим городом, да? Это не шутка. Ты провалилась в разрыв. Тонкое место. Я его три недели караулила, знала, что кого-то выкинет. Вот и выкинуло. Тебя. Обычно выкидывает разный хлам: обломки, странные железяки, куски непонятной материи. Людей — редко. Повезло тебе, что я дежурила,

а не гоблины из Низин.

Она говорила так убедительно и так устало, что у меня не осталось сил на отрицание. Остался только холодный, нарастающий ужас. Я отстранилась от неё.

— Мне нужно в больницу. Мне нужно... позвонить. Мой телефон...

— Твой «телефон» здесь — красивая штучка для подпирания двери или придания веса бумагам, не более того, — отрезала Лера. — Связи с твоим миром нет. Ты в Элизии. В слое Энвилл. Это тебе что-нибудь говорит?

Я молчала. Во рту пересохло.

— Вот и я о том же, — Лера снова вздохнула, но на этот раз в её глазах мелькнуло что-то похожее на сочувствие. — Слушай, тут есть два варианта. Первый: ты остаёшься здесь, в лесу, пытаешься осознать всё это, потом тебя находят гоблины, или древесные троглодиты, или просто ночной хищник, и история на этом заканчивается. Второй: ты идёшь со мной в Энвилл-таун. Там тепло, есть еда, крыша над головой и люди, которые не станут тебя сразу есть. А там разберёмся. Выбирай.

Выбора, по сути, не было. Инстинкт самосохранения, тот самый, что загнал меня в машину и привёз к водопаду, теперь диктовал одно: идти за тем, кто выглядит хоть сколько-то знающим.

— Я иду с вами, — тихо сказала я.

— Умница, — Лера похлопала меня по плечу. — Только

на «ты» давай. И «выкати» из себя этот шок. По дороге проспишься. Держи.

Она сняла с себя один из жилетов — толстый, стёганный — и набросила мне на плечи. От неё пахло дымом, травами и чем-то древесным. Пахло безопасностью.

— А мой мир? — спросила я, уже следуя за ней по едва заметной тропинке. Два лунных света путались под ногами. — Как мне вернуться?

Лера шла впереди, раздвигая ветви своим посохом-с-кристаллом.

— Не знаю, — честно ответила она, не оборачиваясь. — Разрывы — они непредсказуемые. Может, закроется навсегда. Может, откроется через десять лет в другом месте. А может, ты и не захочешь возвращаться, когда разберёшься. Такое тоже бывает.

Я шла за ней, спотыкаясь о корни, чувствуя, как холодная земля и хвоя впиваются в босую ногу. Мой мозг, лишённый привычных опор, пытался ухватиться за новую информацию, но она была слишком чудовищна. Две луны. Другой мир. Разрывы. Элизия.

— Почему вы ждали у разрыва? — спросила я, пытаюсь сосредоточиться на практическом. — Вы знали, что появится именно человек?

— Ждала не человека. Ждала «что-то», — поправила она. — Разрывы иногда приносят интересные артефакты. Инструменты. Книги. Иногда — проблемы. Задача проводника

— встретить это «что-то» первым и решить, что с ним делать. Сегодня это оказалась ты. Повезло.

«Повезло». Сидя в своём кабинете с видом на серые крыши, я и представить не могла, что это слово может звучать так зловеще и так обнадёживающе одновременно.

Мы шли молча. Лес постепенно редел. Сквозь деревья начали проглядывать огоньки вдалеке. Огни были тёплыми, желтоватыми, не похожими на холодное свечение грибов. Цивилизация. Пусть и чужая.

— Что это? — спросила я, указывая на огни.

— Энвилл-таун, — сказала Лера. — Пристанище для потерянных душ, странников между мирами и прочих, кому не нашлось места в аккуратных королевствах. Здесь тебя не сожгут на костре за странную одежду и не будут тыкать в тебя пальцем. По крайней мере, не сразу. У нас тут бардак, всем не до того.

Бардак. Это слово почему-то прозвучало почти утешительно. В бардаке можно было разбираться. У бардака могли быть правила.

Я подтянула на плечах её жилет, сделала глубокий вдох странного, озонного воздуха и шагнула вслед за своей проводницей из леса двух лун навстречу огням чужого города.

Мой внутренний голос, наконец, проснулся и выдал первую осмысленную мысль после падения:

«Пункт 1: выжить. Пункт 2: собрать информацию. Пункт 3: найти способ систематизировать реальность. Всё по пла-

ну».

Пусть план теперь был другим. Но он был. И этого пока хватало.

Глава 3

Энвилл-таун не был похож ни на что, что я видела раньше. Это был не средневековый городок с пряничными домиками, как можно было бы ожидать от мира с двумя лунами. Скорее, он напоминал стихийный лагерь переселенцев, который постепенно оброс капитальными стенами. Деревянные и каменные постройки лепились друг к другу впритык, мостовые были вымощены неровным булыжником, а над некоторыми зданиями парили... нет, не летали, а именно парили странные конструкции из блестящего металла, похожие на недостроенные мосты или гигантские каркасы для растений. Воздух по-прежнему пахнул озоном и хвоей, но к этому добавились запахи печёного хлеба, дыма из труб и чего-то пряного.

Лера вела меня без колебаний, кивая редким прохожим. На нас смотрели, но без особого удивления. Видимо, потрёпанный вид и босую ногу списали на обычные будни Энвилла.

— Куда мы идём? — спросила я, едва переставляя ноги. Шок и усталость брали своё.

— К Ульяне. В «Студию двух лун». Если где и найдётся место для такой, как ты, то только у неё.

— «Такая, как я»?

— Пришлая. Разумная. Не умеющая колдовать, но, судя

по взгляду, умеющая думать, — бросила Лера через плечо. — Ульяна собирает таких. Ну, или тех, кому магия настроена... своеобразно.

Мы свернули в переулок и остановились перед двухэтажным домом с широкой витриной. Над дверью висела вывеска из тёмного дерева с инкрустацией в виде тех самых двух лун — большой и малой. Под ними полустёрлась надпись: «Студия гармоничного развития «Две Луны»».

Студия. Это звучало цивилизованно. Почти по-земному. Лера толкнула дверь без стука, и мы вошли.

Первое, что на меня обрушилось, — это шум. Смех детей, топот ног, чей-то возглас: «Аксель, не направляй это сюда!». Воздух гудел от сконцентрированной, невидимой энергии, от которой закладывало уши.

Первое, что я увидела, — это хаос.

Большое помещение, напоминающее то ли спортзал, то ли мастерскую. Повсюду были разбросаны игрушки, но игрушки странные: кубики, которые сами собой подпрыгивали и складывались в башни, мячи, меняющие цвет в полёте, какие-то вертящиеся кристаллические модули. По стенам висели рисунки, но краски на них тоже медленно перетекали, создавая новые узоры. В центре комнаты молодой человек с бородой и в фартуке, весь перемазанный чем-то синим, пытался отвлечь маленького мальчика, из ладоней которого вырывались искорки, грозившие поджечь занавеску.

И над всем этим царила Она.

Женщина лет сорока, в практичном платье из плотной ткани, с седыми прядями в каштановых волосах, убранных в тугой узел. Она стояла, заложив руки за спину, и наблюдала за происходящим с выражением глубокого, почти философского спокойствия на умном, усталом лице. В её позе читалась не беспомощность, а принятие. Принятие этого творческого, магического бардака как данности.

— Ульяна! — крикнула Лера, перекрывая гам.

Женщина обернулась. Её взгляд скользнул по Лере и остановился на мне. Он был не оценивающим, а сканирующим. Как будто она читала не мою потрёпанную внешность, а что-то за ней. Я непроизвольно выпрямила спину, сгребя распущенные волосы с лица. Привычный жест перед важной встречей.

— Принесла, — сказала Лера, кивнув в мою сторону. — Из разрыва у Ивового перелесья. Без памяти, без вещей, но с головой на плечах. Называется Алисой.

— Алиса, — повторила Ульяна. Голос у неё был низкий, спокойный, с приятной хрипотцой. — Добро пожаловать в сумасшедший дом.

Она сделала шаг ко мне, обходя летающий кубик.

— Травмы есть? Отравление пространственным переходом?

— Я... я в порядке, — выдавила я, чувствуя, как это неправда. — Спасибо. За приют.

— Пока не за что. Лера, спасибо. Иди к Федору, он как

раз партию светящихся чернил привёз, ты ему нужна.

Лера кивнула и растворилась в хаосе, оставив меня наедине с хозяйкой этого безумия.

Ульяна внимательно смотрела на меня. Я выдерживала её взгляд, по привычке стараясь не моргать, демонстрируя уверенность, которой не было.

— Ты откуда, Алиса? В смысле, чем занималась? — спросила она прямо.

Вопрос повис в воздухе, смешавшись с криками детей и гудящей магией. Чем я занималась? Юрист. Составитель договоров. Систематизатор. Человек, который превращал хаос человеческих отношений в стройные строки параграфов.

— Я... работала с документами, — сказала я наконец, выбирая самое простое и понятное. — Организовывала процессы. Наводила порядок.

Последние два слова я произнесла почти шёпотом, глядя на летающие игрушки и синие пятна на полу.

В глазах Ульяны что-то вспыхнуло. Не магия. Интерес. Острый, живой интерес.

— Порядок, — повторила она, и в её голосе прозвучала лёгкая, ироничная горечь. — Интересное понятие для этого места. Пойдём, поговорим.

Она повела меня в небольшую комнату, примыкавшую к основному залу. Это был кабинет. Или его подобие. Стол был завален кипами бумаг, свитков, глиняных табличек и пергаментов. На полках вперемишку стояли книги, сверкаю-

щие кристаллы, коробки с непонятным содержимым и пыльные склянки. На стене висел календарь с перечёркнутыми и исправленными датами. Хаос был и здесь, но это был другой хаос — административный. И от этого на душе стало... почти тепло. Это был знакомый враг.

Ульяна сгребла со второго стула стопку каких-то тканых мешков и указала мне сесть. Сама опустилась в кресло за столом.

— Расскажи, что ты видишь, — сказала она неожиданно, обводя рукой комнату.

Я моргнула. Это было собеседование. Самое странное в моей жизни.

— Я вижу... неэффективную систему хранения документов, — начала я медленно, цепляясь за профессиональные формулировки, как за спасательный круг. — Отсутствие чёткой классификации носителей информации. Нет единого реестра входящих и исходящих бумаг. Финансовые отчёты, — я кивнула на раскрытую толстую книгу с колонками цифр, часть из которых была написана чернилами, часть — выжжена, — ведутся вразнобой, без общей методологии. Календарь не синхронизирован с реальным рабочим процессом. Это ведёт к потерям времени, ресурсов и, вероятно, к финансовым ошибкам.

Я замолчала, боясь, что перегнула палку. Но Ульяна не выглядела оскорблённой. Она смотрела на меня так, будто я только что прочла ей захватывающую поэму.

— Боги, — тихо произнесла она. — Ты видишь суть. За пять минут. Алекс, — она повысила голос, обращаясь, видимо, к тому самому бородатому парню, — уже год пытаюсь объяснить мне, что «всё плохо», но не может сказать что именно. А ты... ты называешь вещи своими именами.

Она облокотилась на стол, сложив руки под подбородком.

— Слушай, Алиса. Лера привела тебя ко мне, потому что я часто даю пристанище попавшим впросак. Обычно я предлагаю помочь по хозяйству, присмотреть за детьми, что-то подмести. Но тебе... — она покачала головой, — тебе я предлагаю не это.

Она выдержала паузу, глядя мне прямо в глаза.

— Я предлагаю тебе работу. Настоящую. Должность администратора и системного аналитика «Студии двух лун». Оклад — скромный, но прожить можно. Комната при студии. Еда. Задача — навести здесь тот самый порядок, который ты так ясно видишь. Разобрать этот хлам, — она махнула рукой на груды бумаг, — выстроить процессы, чтобы мы могли не выживать, а работать. Чтобы дети получали пользу, а педагоги не сходили с ума. Чтобы инспектора из Совета, когда приходят, не хватались за сердце.

Она говорила страстно, и в её словах сквозила не просто нужда, а отчаянная, давно выношенная потребность.

— Но я... я ничего не знаю о вашем мире, — выдохнула я. — О ваших законах, о магии...

— А я предлагаю тебе не колдовать, — перебила Улья-

на. — Я предлагаю тебе организовать. Ты видишь структуру. Или её отсутствие. Это дар, который здесь ценится куда выше иных вспышек света. Нам не нужен ещё один маг. Нам нужен человек, который наведёт порядок в нашем маленьком, сумасшедшем, творческом хаосе.

Мир вокруг снова поплыл, но на этот раз не от страха, а от головокружения от открывающейся возможности. Это был спасательный плот. Не просто крыша над головой, а роль. Знакомая, понятная, нужная роль. Та самая, в которой я была сильна. Та, в которой я могла быть полезной. Ценной.

Мой внутренний голос, до сих пор бубнивший о невозможном, наконец умолк. А потом выдал холодный, чёткий вердикт: «Это логично. Это оптимальное решение в данных условиях. Шанс на выживание и адаптацию повышается на 87%».

Я сделала глубокий вдох. Выпрямилась. Посмотрела в умные, уставшие глаза женщины, которая предложила мне не жалость, а должность.

— Мне понадобится доступ ко всем документам, — сказала я деловым тоном. — К финансовым отчётам за последние три года, к трудовым договорам с сотрудниками, к лицензиям и разрешениям на деятельность. Мне нужно будет провести интервью с каждым членом команды, чтобы понять текущие процессы. И... — я запнулась, — мне понадобится что-то для письма. И обувь.

Ульяна рассмеялась. Это был искренний, громкий смех, в

котором звучало облегчение.

— Добро пожаловать в команду, администратор Соколова. Бумагу и перо найдём. А сапоги тебе Лера подберёт, у неё на всё размер есть.

Она протянула руку через стол. Я пожала её. Её ладонь была тёплой и сильной.

В этот момент из основного зала донёсся грохот и радостный визг. Ульяна вздохнула, но в её глазах уже не было безнадёжности. Была усталость, да. Но и надежда.

— Ну что, — сказала она, вставая. — Приступим? Первый рабочий день, как правило, самый интересный.

Я кивнула, тоже поднимаясь. Стул подо мной скрипнул. За дверью бушевал магический хаос детской студии. Передо мной на столе лежали горы несистематизированного бумажного ада. У меня не было ничего, кроме собственных рук, головы и отчаянного желания всё это упорядочить.

Я чувствовала, как по спине пробегают мурашки. Но это были не мурашки страха. Это было предвкушение сложной, колоссальной задачи.

«Пункт 1: Принята на работу. Пункт 2: Начать с инвентаризации. Всё по плану», — прошепел мой внутренний голос.

И впервые с момента падения в этот безумный мир под двумя лунами я почувствовала, что почва под ногами перестала быть зыбкой. Она была сложной, непривычной и абсолютно непредсказуемой. Но теперь у меня был фронт работ.

А это было уже что-то.

Глава 4

Утро в Энвилле начиналось с перезвона странных колоколов — не металлических, а, казалось, хрустальных, — и с того, что малая луна, Пасынок, ещё не зашедший за горизонт, окрашивал всё в бледно-сиреневые тени. Я проснулась на узкой, но чистой койке в маленькой комнатке под самой крышей «Студии». Сон был тяжёлым, без сновидений, будто тело отключалось, чтобы переварить немыслимое. Первые секунды я лежала, глядя в потолок из тёмных балок, слушая непривычную тишину, в которой не было гула машин под окном. Потом сознание щёлкнуло, и всё нахлынуло: две луны, лес, Лера, Ульяна. Работа.

Работа. Это слово действовало лучше любого успокоительного. Оно структурировало реальность. Есть задача — есть последовательность действий. Я встала, умылась ледяной водой из таза (про горячую воду и сантехнику здесь, видимо, не слышали), надела свою порванную вчера блузку и юбку. Выглядело жалко, но чисто. Привести в порядок внешний вид — первый шаг к порядку внутреннему.

Спустившись вниз, я застала Ульяну за попыткой накормить группу полутораметровых подростков завтраком, который частично пытался сбежать с тарелок. Она кивнула мне в сторону кабинета:

— Всё твоё. Не мешай только Алексу, он в кладовке тво-

рит что-то взрывоопасное, но, говорит, красивое. И вот, держи.

Она сунула мне в руки стопку грубых листов бумаги, гусиное перо и склянку с чернилами странного серебристого отлива.

— Для начала. Позже раздобудим что-то цивилизованное. Я поблагодарила и шагнула в свой новый «офис».

При дневном свете, пробивавшемся через пыльное окно, картина открылась ещё более эпическая. Я остановилась на пороге, медленно проводя взглядом по полкам, столу, грудам на полу. Моя профессиональная душа, та самая, что была от восторга при виде идеально составленного юридического заключения, теперь тихо плакала, забившись в угол.

Это был не архив. Это было археологическое наслоение катастроф.

На одной полке лежали, вперемешку:

1. Глиняные таблички с выдавленными значками (видимо, древние договоры).
2. Свитки пергамента, часть из которых была аккуратно свернута и перевязана лентой, а часть — просто смята в комок.
3. Стопка грубой бумаги с каракулями, отдаленно напоминающими цифры.
4. Несколько кристаллических пластин, на поверхности которых медленно ползли строчки текста, то появляясь, то исчезая.

5. Обычная, земная, офисная бумага А4, явно попавшая сюда через разрыв. На ней было написано «Отчёт за квартал...» и дальше неразборчиво.

Финансовые отчёты Леры. Я осторожно открыла самую толстую книгу, сшитую из разнородных листов. Это было похоже на дневник сумасшедшего алхимика. В одной колонке — суммы в местных «кронах» (так я расшифровала значок, похожий на корону). В другой — бартерные операции: «3 мешка муки за сеанс стабилизации ауры для дочери мельника». В третьей — какие-то пиктограммы, вероятно, обозначающие магические компоненты. Даты были проставлены то в местном летоисчислении («год Драконьей спячки»), то просто «в прошлое полнолуние». Некоторые записи были сделаны чернилами, которые тускло светились, и цифры на них чуть сдвигались, если приглядеться. Я закрыла книгу, чувствуя лёгкую тошноту. Аудит этого требовал не бухгалтера, а экзорциста.

Расписания занятий. Их было несколько, на разных стенах, и все они противоречили друг другу. Одно, нацарапанное мелом на грифельной доске, гласило, что «Медитация с кристаллами» идёт в «час Тихой воды». Другое, на пергаменте, утверждало, что в это же время — «Базовые заклинания для начинающих с Алексом». Третье, на обычном листке в клетку, просто перечёркивало оба предыдущих жирным «ОТМЕНА! Идём собирать светящихся червей!».

Договоры с поставщиками. Они были перемешаны с ре-

цептами зелий, детскими рисунками и какими-то картами местности. Я выудила один, написанный на коже. Поставщик обязывался доставлять «ежемесячно два воза сияющего моха с болот Туманой долины» в обмен на «ежеквартальную балансировку магического контура его жилища». Подпись поставщика была похожа на отпечаток лапы. Гарантийные обязательства отсутствовали как класс.

Я села на единственный свободный стул, положила перед собой чистый лист и перо. Руки чесались. Не метафорически. Буквально. Мне физически не терпелось взять этот хаос, этот вопиющий, кричащий беспорядок, и начать его раскладывать по полочкам. По виртуальным, идеально промаркированным папкам с вложенными подпапками и сквозной нумерацией.

Страх, тоска по дому, шок от нового мира — всё это отступило перед лицом Колоссальной Задачи. Это было поле битвы, и я знала своё оружие: систему.

Я начала с инвентаризации. Не с попыток понять смысл, а с простой фиксации.

1. Фиксация материальных носителей. Отдельно: глиняные таблички (12 шт.). Отдельно: пергаментные свитки (оценила примерно в 30). Отдельно: бумажные листы разного формата и качества (куча). Отдельно: кристаллические пластины (5). Отдельно: грифельная доска (1). Отдельно: книга учёта Леры (1, том I, возможно, есть продолжение).

2. Создание рабочего пространства. Я очистила один угол

стола. Поставила туда склянку с чернилами. Рядом положила перо. Это была моя крепость.

3. Первичная сортировка. Взяла первую кипу бумаг. Не читая содержания, я стала раскладывать их по стопкам: «Финансы», «Расписания», «Договоры», «Непонятно». В стопку «Непонятно» отправлялось всё, что светилось, шевелилось или было написано на неизвестном языке.

Я погрузилась в процесс с таким сосредоточением, что не заметила, как пролетело время. Шум из основного зала стал для меня просто фоновым гулом. Я выявляла закономерности. Оказалось, Ульяна вела дневник наблюдений за детьми, но записи были вперемешку со списком покупок. Я их разделила.

Вдруг что-то упрямо ткнуло меня в бок. Я вздрогнула. На столе лежал один из тех самодвижущихся кубиков. Он тыкался в меня уголком, как настойчивый щенок. Я посмотрела на него. Он подпрыгнул и упал прямо на стопку «Непонятно». Я вздохнула, взяла кубик и поставила его на пол. Через секунду он снова был на столе, уже на стопке «Договоры».

— Он с тобой играет, — раздался голос в дверях. Лера, прислонившись к косяку, жевала яблоко. На ней были те же практичные одежды, а в руках она держала пару добротных, поношенных кожаных сапог. — Он чувствует новеньких. И твоё... ну, твоё спокойствие. Оно им нравится.

— Ему надо быть на полке с игрушками, — сухо заметила я, снова убирая кубик.

— У нас тут демократия. Игрушки ходят, где хотят. Держи, — она бросила сапоги мне в ноги. — Примерь. Должны подойти. Ходить босиком — последнее дело, камни острые.

Я натянула сапоги. Они были чуть великоваты, но на плотный носок — в самый раз. Тёплые, крепкие. Впервые за двое суток мои ноги были полностью защищены. Это был маленький, но значимый шаг к нормальности.

— Спасибо, — сказала я искренне.

— Не за что. Ну что, разгребашь наследие веков? — Лера с интересом оглядела мои аккуратные стопки.

— Начинаю с описи. Без чёткого понимания объёма и типов данных невозможно выстроить систему управления, — автоматически ответила я.

Лера фыркнула:

— Ульяна права. Ты — нечто. Ладно, не отвлекаю. Удачи. Только не трогай тот синий свиток в углу, он иногда щиплется.

Она ушла. Я посмотрела на синий свиток в дальней груди. Решила пока обойти его стороной.

К полудню я добилась первого успеха: все финансовые документы (которые удалось идентифицировать как таковые) лежали в одной стопке, в хронологическом порядке. Правда, хронологию пришлось выстраивать по вторичным признакам: по упоминаниям погоды («сильные грозы») и местным праздникам («День Блуждающих Огней»). На отдельном листе я начала составлять глоссарий: «Крона» = денеж-

ная единица. «Серебряный отсвет» = вероятно, тоже денежная единица, меньшего достоинства. «Мешок муки» = бартерная единица, требуется уточнение веса.

Мышцы ныли от непривычной позы, в глазах рябило от странных шрифтов, но внутри разгорался странный, почти хищный азарт. Каждая расшифрованная запись, каждая найденная взаимосвязь была маленькой победой. Я отвоевывала у хаоса пядь за пядью.

Ульяна заглянула как раз в тот момент, когда я, нахмурившись, сравнивала два договора на поставку того самого сияющего моха от разных «поставщиков». Один был написан на коже, второй — выжжен на деревянной плашке. Условия отличались кардинально.

— Ну как? — спросила она, окидывая взглядом преобразившийся, хотя и далёкий от идеала, угол комнаты.

— У вас два контракта на один и тот же товар с разными существенными условиями, — сказала я, не отрываясь от текста. — Сроки поставки, объёмы и форма оплаты не совпадают. Один из этих договоров, как минимум, не исполняется. А возможно, и оба.

Ульяна села на край стола, тяжело вздохнув.

— Знаешь, я всегда подозревала, что старый Груфф нас обманывает. Но разбираться было некогда. То дракончик у кого-нибудь прорежется, то портал в кладовке самопроизвольно откроется...

— Это нужно систематизировать, — перебила я, наконец

подняв на неё глаза. — Нужна единая база договоров с контрольными точками: срок, поставка, оплата. И регулярная сверка.

В её глазах светилось что-то между надеждой и изумлением.

— Ты это сделаешь?

— Это пункт 14 в моём предварительном плане, — кивнула я. — После полной инвентаризации архивов и до составления годового финансового прогноза.

Ульяна рассмеялась, потянулась и погладила тот самый кубик, который снова забрался ко мне на колени и теперь мирно вибрировал, как довольный кот.

— Знаешь, Алиса, — сказала она задумчиво. — Мне кажется, твоё появление здесь — это самое удачное падение через разрыв за всю историю Студии.

Она вышла, оставив меня наедине с кубиком, стопками бумаг и тихим, радостным трепетом в груди. Хаос был по-прежнему чудовищен. Но теперь он был измерим. А значит, с ним можно было работать.

Я взяла новый лист, окунула перо в серебристые чернила и вывела вверху: «План систематизации архивных документов „Студии двух лун“. Этап I: Инвентаризация (продолжение)».

Под этим, ровными строчками, пошли пункты. Первый. Второй. Третий...

Мир за окном был полон магии, двух лун и невероятных

существ. Но здесь, за этим столом, воцарился мой собственный, крошечный, драгоценный порядок. И этого пока было достаточно.

Я даже не услышала, как вдали, в основном зале, зазвенел магический бубенчик, оповещающий о входящем сообщении из Совета Магической Безопасности. Гром ещё только собирался на горизонте.

Глава 5

Мой третий день в Энвилле начался с попытки создать каталог. Не метафорический, а самый что ни на есть физический. Я отвоевала у хаоса небольшой стеллаж и начала раскладывать документы по категориям, используя кусочки пергамента с надписями в качестве разделителей: «Финансы», «Договоры», «Кадры», «Отчёты перед Советами». Последняя категория была самой тонкой и вызывающей наибольшее подозрение.

Я как раз вносила в свежую таблицу данные по поставщикам сияющего моха (их оказалось трое, и все с взаимоисключающими условиями), когда в основном зале раздался не звон колокольчика, а пронзительный, мелодичный трель, похожий на пение стеклянной птицы. Он резанул по слуху такой чистотой ноты, что я вздрогнула и посадила кляксу.

— О, чёрт, — раздался голос Леры из-за двери. — Опять они.

Почти сразу же в кабинет, не стучась, влетела Ульяна. В руках она держала сверкающий, переливающийся всеми цветами радуги свиток, который парил в нескольких сантиметрах от её ладони, тихо напевая ту самую трель. Она выглядела не взволнованной, а скорее устало-озадаченной, как человек, увидевший на горизонте приближающийся град.

— Пришло, — коротко сказала она, кладя свиток на един-

ственный свободный угол моего стола. Свиток лег, но мелодичное гудение не прекратилось. — Комитет по магической безопасности. Плановая проверка. Запрос на предоставление документов.

Лера втиснулась в дверь, её лицо было бледным под загаром.

— Плановая? Да они три года не появлялись! Это из-за инцидента с феями на прошлой неделе? Я же говорила, не надо было давать им блестящий клей!

— При чём тут феи, — отмахнулась Ульяна, но в её глазах мелькнула тревога. — Нет, это просто... бюрократия. Звёзды сошлись, у кого-то там настроение испортилось, решили проверить периферийные заведения. Стандартно.

— Стандартно? — Лера заломила руки. — Ульяна, у нас нет ни одного отчёта, который бы они сочли «стандартным»! Лицензия на работу с нестабильными дарованиями истекла... в прошлом сезоне, кажется? Журнал учёта магических инцидентов мы... ну, он же сгорел, когда Фрик пытался приручить огненного саламандра! А договор аренды на это здание... Боги, где вообще этот договор?

Паника Леры была заразительной и конкретной. Она обнажала все те язвы, которые я уже начала нащупывать в процессе своей инвентаризации. Хаос был не просто неудобным — он был уязвимым местом.

Ульяна закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями.

— Надо что-то собрать. Что-то похожее на документы.

Алекс может наколдовать печати, похожие на официальные...

— Подделка документов, — тихо, но чётко проговорила я, не отрывая взгляда от поющего свитка. — Влечёт за собой, согласно любым логичным правовым нормам, куда более серьёзные последствия, чем их отсутствие.

Обе женщины замолчали и уставились на меня. В моём тоне прозвучала та самая непоколебимая уверенность парлафа, с которой они, видимо, редко сталкивались.

— У нас неделя, — сказала Ульяна, указывая на свиток. — Там написано: предоставить в течение семи лунных циклов.

— Это стандартный срок для ответа на подобный запрос, — кивнула я, больше для себя. Мой мозг уже переключался с режима архивариуса в режим кризис-менеджера. — Лера права. У нас нет готовых документов. Но у нас есть сырые данные. И семь дней.

Я протянула руку к свитку. Он обжёг мне пальцы лёгким, статическим разрядом, но пение стихло. Я развернула его. Текст был написан тем же серебристыми чернилами, но буквы плавали, складываясь в знакомые мне очертания. Магический переводчик, подумала я. Удобно.

Запрос был объёмным, на десяти пергаментных листах, и составлен с убийственной, безупречной бюрократической логикой. Требовались: устав организации, все лицензии и разрешения, финансовые отчёты за три года, отчёты об обра-

зовательной деятельности, журналы инцидентов, трудовые договоры, договоры аренды и поставок, санитарно-магические заключения... Каждый пункт был снабжён сноской на статью какого-то «Кодекса магического правопорядка».

Профессиональная душа, ещё недавно плакавшая, теперь встрепенулась. Это был язык, на котором я говорила. Язык требований, пунктов и подпунктов. Вражеский язык, который нужно было обратить себе на пользу.

— Что будем делать? — спросила Ульяна. В её голосе сквозила надежда, что у меня, этой странной пришельцы с манией к порядку, есть ответ.

— Мы предоставим им документы, — заявила я.

— Какие?! — выдохнула Лера.

— Те, что есть. Но оформленные правильно. — Я встала, чувствуя, как адреналин прочищает сознание. — Ульяна, мне нужен Алекс. Не для подделки печатей. Ему нужно создать несколько чистых бланков с официальными «шапками» — название студии, адрес, регистрационный номер, если он есть. Чем официальнее они будут выглядеть, тем лучше.

— Хорошо, — Ульяна кивнула, уже улавливая суть.

— Лера, — я повернулась к ней. — Ты отвечаешь за контент. Всё, что касается магических практик, занятий, инцидентов. Садись и вспоминай. Даты, имена, суть происшествий, принятые меры. В хронологическом порядке. Я дам тебя форму журнала.

— Но я не умею так...

— Ты будешь рассказывать. Я буду записывать и структурировать, — отрезала я. — Ульяна, вы берёте на себя финансовую часть и договоры. Мы с вами позже сведём всё в единые отчёты по формам, которые я выведу из их запроса.

Я обвела взглядом свой кабинет, который из убежища архивариуса превращался в штаб по ликвидации кризиса.

— Первое: делаем опись всех запрошенных документов и оцениваем нашу базу. Что есть в каком-то виде, чего нет совсем. Второе: распределяем зоны ответственности. Третье: создаём единый стиль оформления — шрифт, поля, нумерация страниц. Четвёртое: пишем сопроводительное письмо с уведомлением о получении запроса и перечнем предоставляемых документов. Это создаст впечатление системной работы.

— А если чего-то нет? — не унималась Лера.

— Тогда мы пишем официальный ответ: «Запрашиваемый документ (такой-то) в настоящий момент находится на стадии переоформления/утверждения в связи с (указываем уважительную причину, например, «изменением законодательства в области магического образования»). Обязуемся предоставить в срок до (ставим реалистичную дату через месяц)». Главное — показать, что мы процесс контролируем. Бюрократы ненавидят тишину и отсутствие ответа. Они обожают переписку.

В комнате повисла тишина. Даже вездесущий кубик замер

у моих ног. Ульяна смотрела на меня с откровенным восхищением.

— Ты... ты говоришь на их языке. Только лучше.

— Я говорю на языке процедур, — поправила я. — Он везде одинаков. Давайте начинать. Лера, принесите, пожалуйста, ещё чернил. И пергамента. Много пергамента.

В тот день «Студия двух лун» работала в непривычном режиме. Из кабинета доносился не смех детей, а низкий гул серьёзных голосов. Алекс, засучив рукава, колдовал над созданием идеально ровных, плотных листов бумаги с водяными знаками в виде тех самых двух лун. Лера, морща лоб, диктовала мне по памяти хронику магических происшествий, от «случайного превращения педагога в ёжика» до «неконтролируемого роста волос у всей группы после контакта с полуденным мхом». Я записывала, выстраивая, формулируя всё в сухом, отчётном стиле: «Дата. Характер инцидента. Принятые меры. Результат. Подпись ответственного».

Мы работали до тех пор, пока малая луна не поднялась высоко в небо, и светильники, заправленные светлячковым желе, не зажглись сами собой. Усталость валила с ног, но в воздухе витало странное, почти боевое товарищество. Мы создавали щит из бумаги и чернил против невидимой угрозы.

Перед тем как разойтись, я развернула итоговый лист. На нём был чёткий план работ с дедлайнами на каждый день, распределением задач и контрольными точками. Ульяна, чи-

тая его, покачала головой.

— Знаешь, Алиса, — сказала она задумчиво. — Когда они получают этот ворох бумаг, составленный с такой... ледяной, безупречной точностью, они либо решат, что здесь всё в идеальном порядке, либо заподозрят, что мы наняли какого-то магического юриста-циника невероятной силы. В любом случае, они будут озадачены. А озадаченный инспектор — это уже полдела.

Я позволила себе слабую улыбку. Щит был ещё тонок, и в нём зияли дыры. Но он существовал. И это было главное.

Когда я потушила светильник и вышла в тёмный, пустой зал, мой взгляд упал на мерцающий кристалл на посохе, забытом Лерой у двери. Он пульсировал ровным, спокойным светом.

«Пункт 1: Получен запрос. Пункт 2: Инициирован план ответных действий. Пункт 3: Координация команды выполнена», — просуммировал внутренний голос.

И впервые за эти три дня я почувствовала не просто контроль над маленьким уголком хаоса. Я почувствовала, что могу быть полезной в этом странном мире не только как архивариус. Я могла быть его защитником. Пусть даже моё оружие было пером, а броня — аккуратно составленной таблицей.

Глава 6

Официальный визит был назначен на «час Парящего Орла». По моим скромным расчётам, основанным на движении лун и солнечных бликов на полу зала, это было примерно 10 утра по привычному мне времени. Мы готовились.

Ульяна, вопреки своей обычной расслабленности, вырядилась в самое официальное платье — тёмно-синее, строгого кроя, с символикой двух лун на плече. Алекс получил строжайший запрет на любые алхимические опыты в течение всего дня. Лера нервно перебирала края своего жилета, повторяя заученные фразы из подготовленных нами отчётов. Дети, почуввав неладное, были отправлены в дальний класс на «особое занятие по тихой медитации» с самым невозмутимым из педагогов.

Я провела финальную ревизию. На отдельном столике в относительно чистом углу зала были разложены папки с документами, каждая — с аккуратной биркой: «Лицензии», «Финансы», «Кадры». Рядом — чистые листы для пометок и несколько заточенных перьев. Всё по протоколу. Всё, на что у нас хватило времени и сил за эти несколько сумасшедших дней.

— Выглядит... пугающе официально, — заметила Лера, глядя на моё творение.

— Так и задумано, — ответила я, проверяя, ровно ли ле-

жат стопки. — Должно создавать впечатление системности. Даже если внутри ещё есть недочёты.

В тот самый момент, когда малая луна в небе заняла позицию прямо над дымоходом соседнего дома, дверь в студию открылась. Не звонок, не стук — она просто отворилась под напором невидимой силы, впустив внутрь струю холодного, не бытового воздуха. Он пахнул морозом, старым пергаментом и чем-то резким, как разряженная атмосфера.

Вошел он.

Граф Вальтер фон Адлер был высок, строен и холоден, как лезвие ритуального кинжала. Его черты лица казались высеченными из мрамора: острый подбородок, прямой нос, тонкие губы, сжатые в почти невидимую линию. Волосы — пепельно-русые, идеально гладкие, убраны назад. Одежда — не пышные дворянские одеяния, а строгий, длинный сюртук глубокого серого цвета, под которым виднелась тёмная рубашка. На плечах лежала короткая мантия, подбитая серебристым мехом, с едва заметной вышивкой — гербом, вероятно. В руках — тонкий, лишённый каких-либо украшений, посох из чёрного дерева, который он держал скорее как трость, чем как магический артефакт. Всё в нём кричало о дисциплине, порядке и абсолютной, непроницаемой уверенности.

Рядом с ним, едва поспевая, шёл мальчик. Лет пяти, не больше. Лео. Он был одет в тёмный, слишком взрослый для него костюмчик, и на нём было... слишком много всего. На

шее — тонкая цепочка с кулоном. На запястьях — браслеты с мелкими кристаллами. Даже на пряжке пояса поблёскивал какой-то рунический знак. Защита. Гиперопека, материализованная в металле и камне. Его светлые волосы были аккуратно причёсаны, а огромные серые глаза, точь-в-точь как у отца, смотрели по сторонам с немым, загнанным страхом. Он держался за полу отцовского сюртука, будто пытаюсь спрятаться за этой живой скалой.

— Граф фон Адлер, — произнесла Ульяна, сделав шаг вперёд и слегка склонив голову. Её голос звучал ровно и с достоинством. — Добро пожаловать в «Студию двух лун». Это неожиданная честь. Обычно предварительное ознакомление проводят инспекторы...

— Обычно, — перебил её граф. Его голос был низким, бархатистым и обжигающе холодным. Он обвёл помещение медленным, всевидящим взглядом, и казалось, что под этим взглядом пыль на полках съезживается. — Но случай с вашим заведением приобрёл... особую отметку. Комитету интересны методики работы с «особыми» дарованиями. А также соблюдение норм безопасности. Особенно, — его взгляд скользнул по замершему в углу светящемуся мячу, — после ряда инцидентов, отмеченных в городских сводках.

Он не стал ждать приглашения, направившись к центру зала. Его шаги были бесшумны. Лео семенил следом, запутываясь в собственных ногах.

— Начнём с помещения, — заявил граф, останавливаясь.

Он слегка постучал посохом о пол. От точки соприкосновения по воздуху побежала едва заметная серебристая рябь, как от брошенного в воду камня. — Защитные контуры на окнах ослаблены на... тридцать процентов. Допустимый износ не должен превышать десять. Статья 4.7 Кодекса магической безопасности образовательных учреждений.

Ульяна открыла рот, чтобы ответить, но он уже повернулся к стеллажу с материалами.

— Хранение реактивов и компонентов. Смешано. Кристаллы резонансные лежат рядом с сушёным папоротником-поглотителем. Это создаёт риск непредсказуемой нейтрализации или, что хуже, синергетического взрыва. Статья 12.3.

— Это не реактивы, это материалы для творческих... — начала Лера, но её голос потонул в новом холодном комментарии.

— Вентиляция. Недостаточна для отвода побочных эфирных эманаций. Концентрация фоновой магии в воздухе превышает санитарную норму для детей младшего школьного возраста в полтора раза. Вы измеряли этот параметр в течение последнего лунного цикла?

Он не спрашивал. Он констатировал. Его замечания сыпались, как град: точные, безэмоциональные, убийственные. Каждое — с отсылкой к параграфу, статье, норме. Это была не инспекция. Это была казнь.

Я стояла чуть в стороне, у своего столика с документами,

и наблюдала. Первый шок от его появления прошёл, сменившись холодным, аналитическим интересом. Он был мастером. Мастером не магии (хотя, без сомнения, и ей тоже), а административного давления. Он использовал знание правил как дубину. И делал это виртуозно.

Вальтер фон Адлер подошёл к нашему импровизированному «документационному островку». Его взгляд упал на папки, потом на меня. В его серых глазах не было ни любопытства, ни даже презрения. Была лишь оценка очередного объекта, не соответствующего стандарту.

— А это кто? — спросил он Ульяну, даже не удостоив меня прямого обращения.

— Алиса Соколова. Наш новый администратор и системный аналитик, — представила Ульяна, и в её голосе прозвучала лёгкая защитная нотка.

— Аналитик, — произнёс он, и в этом слове зазвучала тонкая, язвительная насмешка. Он взял верхнюю папку — «Лицензии» — и, не открывая, положил обратно. — Бумаги. Всё, что не можете обеспечить магически, пытаетесь компенсировать бумагой. Типично.

Это было уже слишком. Его высокомерие перешло в прямую демонстрацию неуважения к работе, в которую мы вложили столько сил. Адреналин ударил в голову, но не панический, а тот, что включался у меня во время жёстких переговоров. Я сделала шаг вперёд, заслонив собой столик.

— Граф фон Адлер, — сказала я тем ровным, отстра-

нённо-деловым тоном, который я использовала для самых неговорчивых контрагентов. — Документальное сопровождение деятельности — не «компенсация», а основа отчётности перед регулирующими органами, в том числе перед Комитетом, который вы представляете. Бумага, как вы выразились, фиксирует обязательства, процедуры и результаты. Что, в свою очередь, является единственной объективной базой для проверки соответствия тем самым статьям Кодекса, на которые вы ссылаетесь.

В зале повисла тишина. Даже вездесущий гул магического фона, казалось, стих. Лера замерла с открытым ртом. Ульяна прикрыла глаза, будто ожидая взрыва.

Вальтер фон Адлер медленно повернул ко мне голову. Впервые за весь визит его взгляд сфокусировался на человеке, а не на нарушении. Он смотрел на меня так, будто рассматривал редкий, досадный и несколько неудобный феномен. Вроде пятна на безупречном мундире.

— Объективная база, — повторил он без интонации. — Вы утверждаете, что ваши... записи, — он кивнул в сторону папок, — могут объективно отражать магические процессы?

— Они отражают факты, даты, принятые меры и расход ресурсов, — парировала я, не отводя глаз. — Магия, как я начала понимать, — это явление, подчиняющееся определённым закономерностям и правилам. Документы фиксируют соблюдение или несоблюдение этих правил. Если, конечно, правила чётко прописаны. Вам предоставят для ознаком-

ления журнал инцидентов, где каждый случай зафиксирован по схеме: предпосылки, событие, реакция, результат. Это и есть объективная база для анализа, а не субъективные впечатления.

Он молчал несколько секунд. Казалось, он переводил мои слова на некий внутренний, ему одному понятный язык бюрократического цинизма.

— Интересная позиция, — наконец произнёс он, и в его голосе впервые появился оттенок чего-то, кроме льда. Не уважения. Скорее, диагностического интереса, как у учёного, нашедшего новый, странный штамм бактерий. — «Факты, даты, меры». Вы пытаетесь надеть смирительную рубашку протокола на стихию.

— Я пытаюсь навести порядок, — поправила я просто. — Порядок позволяет предсказывать, контролировать и, как следствие, обеспечивать безопасность. В том числе и безопасность детей. — Мой взгляд непроизвольно скользнул к Лео, который испуганно смотрел на наш словесный поединок, зарывшись пальцами в ткань отцовского сюртука.

Вальтер фон Адлер следил за направлением моего взгляда. Его лицо, казалось, стало ещё холоднее. Он резко повернулся к Ульяне.

— Моё предварительное заключение: учреждение имеет системные проблемы с соблюдением норм. Окончательный вывод будет сделан после изучения предоставленных документов. Ожидайте официального запроса с подробными за-

мечаниями. Лео, идём.

Он не попрощался. Просто развернулся и пошёл к выходу, его мантия развевалась за ним как холодная тень. Маленький Лео, бросив на нас последний испуганный взгляд, поспешил за ним.

Дверь закрылась. Давление в зале, физическое и магическое, сразу спало. Лера выдохнула:

— Боги, какой кошмар... Он же нас в клочья порвёт!

Ульяна подошла ко мне, положила руку на плечо.

— Алиса... Ты только что спорила с графом фон Адлером. С его ледяным высочеством. И... выстояла.

Я смотрела на закрытую дверь. Руки у меня слегка дрожали от выброса адреналина, но внутри было странное, почти ликующее чувство. Это была первая битва. И я не отступила.

— Он будет придирается к каждому пункту, — сказала я, возвращаясь к столу и поправляя слегка сдвинутую папку. — Его официальный запрос будет объёмным и детальным. Нам нужно быть готовыми.

— У нас есть неделя? — спросила Лера с надеждой.

— У нас есть до того момента, пока его гонец не появится на пороге, — поправила я. — Но теперь мы знаем, с кем имеем дело. Перфекционист. Педант. Прагматик. С ним можно работать. Нужно только говорить на его языке. Точнее, на языке безупречных фактов.

Я открыла папку с финансовыми отчётами, взяла перо.

«Пункт 1: Первичный контакт с инспектором (граф В.

фон Адлер) состоялся. Характеристики: высокий профессионализм, агрессивная методика проверки, акцент на формальном соблюдении норм. Пункт 2: Выявлены ключевые зоны риска с его точки зрения: защитные контуры, хранение, вентиляция. Пункт 3: Приступить к подготовке превентивных ответов по каждому пункту возможных замечаний».

Перо скрипело по бумаге, выводя ровные строчки. Внешний мир с его двумя лунами, магией и высокомерными аристократами отступал, растворяясь в чёткой геометрии плана. У страха, оказывается, было одно слабое место — его можно было разобрать по пунктам, проанализировать и подготовить контрмеры.

И я уже начала это делать.

Глава 7

После визита ледяного призрака в мантии в Студии воцарилась гнетущая тишина. Дети вернулись, но даже их энергия казалась приглушённой. Лера ходила, словно по минному полю, вздрагивая от каждого шороха. Алекс заперся в мастерской, что-то яростно паял или склеивал — вероятно, пытаясь магически усилить защитные контуры на окнах.

Ульяна наблюдала за мной. Я сидела в кабинете, перед чистым листом пергамента, и не писала. Я составляла в уме.

Устные замечания графа фон Адлера висели в воздухе, как ядовитый туман. Неоформленные, не скреплённые печатью, они были тем опаснее. Их можно было трактовать как угодно, помнить выборочно, расширять постфактум. Нужно было зафиксировать. Легализовать этот конфликт. Перевести его из эмоциональной плоскости в процедурную.

Я взяла перо.

«Меморандум №1

От: Администрации «Студии двух лун», г. Энвилл-таун

Кому: Графу Вальтеру фон Адлеру, уполномоченному представителю Комитета по магической безопасности

По факту: предварительного ознакомления с деятельностью учреждения от [дата]»

Дату я указала, исходя из местного календаря, который с грехом пополам восстановила по обрывкам записей — «день

Тихого Росяника».

Дальше пошло сухое, чёткое перечисление.

«В ходе ознакомления вами были озвучены следующие тезисы, которые администрация Студии принимает к сведению и готова к их детальному обсуждению в рамках официальной проверки:

1. По вопросу защитных контуров на оконных проёмах.

Ваше утверждение: Ослабление на 30% при допустимом износе не более 10% (ст. 4.7 Кодекса).

Наш запрос: Просим предоставить для ознакомления методику замера степени «ослабления» контуров, утверждённую Комитетом, а также акт предыдущей проверки данных контуров с указанием исходных значений, на основании которых выявлена указанная деградация. Это необходимо для проведения корректной внеплановой диагностики силами Студии или аккредитованной мастерской.

2. По вопросу хранения магических материалов.

Ваше утверждение: Неправильное совместное хранение кристаллов резонансных и папоротника-поглотителя, создающее риск инцидента (ст. 12.3 Кодекса).

Наш запрос: Просим предоставить исчерпывающий классификатор магических материалов с указанием групп совместимости/несовместимости, на который вы ссылаетесь. В имеющемся у нас издании Кодекса (редакция 15-й эры Дракона) статья 12.3 носит общий характер и не содержит конкретного запрета на указанную комбинацию. Также просим

уточнить, распространяется ли действие статьи на материалы, используемые исключительно в демонстрационных и творческих целях, не задействованные в активных практиках.

3. По вопросу вентиляции и фоновой концентрации эфирных эманаций.

Ваше утверждение: Превышение санитарной нормы для детей младшего школьного возраста в 1.5 раза.

Наш запрос: Просим предоставить протокол ваших замеров, сделанных в ходе визита, с указанием использованного калиброванного оборудования, точек отбора проб и времени проведения замеров. Также необходимо предоставить актуальные таблицы санитарных норм с разбивкой по возрастным группам и типам магической активности в помещении.

4. Общие положения.

Администрация «Студии двух лун» подтверждает намерение действовать в строгом соответствии с нормами Кодекса магической безопасности. Однако для эффективного устранения возможных недочётов требуется чёткое понимание применяемых критериев оценки.

Данный меморандум не является ответом на официальный запрос Комитета, который мы ожидаем получить в установленные сроки, а служит для прояснения позиций и уточнения процедурных моментов.

Приложения:

1. Копия действующей лицензии Студии (заверенная).

2. График планового технического обслуживания помещений (черновой).

С уважением,

Алиса Соколова,

Администратор и системный аналитик «Студии двух лун».

Подпись, печать.»

Я перечитала текст. Он дышал холодной, непробиваемой бюрократической логикой. Я не оправдывалась. Не спорила. Я уточняла. Я требовала от него тех же доказательств и оснований, которых он требовал от нас. Я говорила с ним на его языке, но выверяла каждую запятую, каждую ссылку. Это был не щит. Это было зеркало, подставленное под ледяной луч его критики.

Ульяна, читая через мое плечо, медленно выдохнула:

— Ты... ты вызываешь его на дуэль. Бумажную дуэль.

— Я устанавливаю правила дискуссии, — поправила я.
— Сейчас он — сторона, которая задаёт вопросы. Я превращаю его в сторону, которая обязана предоставлять доказательства. Это меняет баланс.

— Он взбесится, — прошептала Лера, заглянув в кабинет.

— Возможно. Но если он профессионал, он оценит точность. Если же нет... тогда мы будем знать, с кем имеем дело. Алекс! — позвала я.

Бородатый педагог появился в дверях, пахнувший дымом и озоном.

— Нужно отправить документ в Совет. Официально. Быстро. И без магических фокусов, которые могут его «случайно» уничтожить.

— Есть пара голубей-молний, — сказал Алекс, с интересом разглядывая меморандум. — Доставят быстрее ветра и пробьют любую защиту адресата. Прямо в руки.

— Идеально, — кивнула я. — Пусть доставят.

В кабинете графа Вальтера фон Адлера в башне Совета царила безупречная, вымороженная тишина. Воздух был лишён запахов, лишь лёгкий аромат старого дерева и пергамента. Книги на полках стояли по росту и цвету корешков. На массивном дубовом столе не было ни лишней бумаги, ни пылинки. Только стопка текущих дел, поставленных под прямым углом к краю стола, чернильница и перо, лежащие строго параллельно.

Вальтер работал. Его перо скользило по документу, внося ясные, безэмоциональные правки. Его разум был полностью сфокусирован. Здесь, в этой комнате, царил предсказуемый, управляемый порядок. Вне её — хаотичный, раздражающий мир, который он пытался хоть как-то обуздать правилами и инспекциями.

Именно в этот момент в окно, минуя все внешние защиты (которые благоразумно пропускали служебных птиц Со-

вета), влетела искра. Она материализовалась в центре комнаты, превратившись в серебристо-сизого голубя с глазами из молний. Птица, не проронив ни звука, бросила на идеальную поверхность стола небольшой, плотно свернутый свиток, обвязанный простой тесьмой с печатью «Студии двух лун» — двумя переплетёнными полумесяцами.

Граф медленно поднял взгляд. Его бровь дрогнула на миллиметр. Доставка через «молниеносного голубя» была дорогой и использовалась для экстренных, важных сообщений. Какая экстренность могла быть у этого провинциального детского центра?

Он отложил своё перо, взял свиток. Печать была простая, но чёткая. Он разорвал её, развернул пергамент.

И начал читать.

Первые же строчки заставили его замереть. Это не было оправданием. Не было эмоциональным посланием. Не было даже попыткой отчёта. Это был... меморандум. Структурированный, нумерованный, со ссылками на его же собственные замечания.

«Просим предоставить методику замера...»

«Просим предоставить исчерпывающий классификатор...»

«Просим предоставить протокол ваших замеров...»

Он читал, и его тонкие губы плотно сжались. В его серых глазах, обычно отражавших лишь холодное презрение или скуку, промелькнуло нечто иное. Не гнев. Не раздражение.

Удивление.

К нему не обращались таким тоном. Никогда. Подчинённые трепетали. Коллеги из Совета изъяснялись витиевато и осторожно. Даже начальство предпочитало намёки. А тут... тут была кристальная, почти вызывающая ясность. Каждое его устное, брошенное на ходу замечание было выловлено, пронумеровано и возвращено ему в виде запроса на документы. Его собственное оружие — параграфы, статьи, нормы — было развёрнуто и нацелено на него же.

«...не содержит конкретного запрета на указанную комбинацию...»

«...требуется чёткое понимание применяемых критериев оценки...»

Он откинулся на спинку кресла, не выпуская пергамента из рук. Его взгляд упал на подпись: «Алиса Соколова, администратор и системный аналитик».

Так её звали. Та самая женщина с прямым взглядом, ответившая ему на языке процедур. Он думал, это была спонтанная дерзость, защитная реакция. Но нет. Это была система. Она не просто ответила — она инициировала официальную переписку. Вывела стычку из коридоров Студии в поле бюрократического документооборота, где у него, конечно, было преимущество, но где теперь действовали прописанные правила игры.

В углу кабинета, на низком диванчике, тихо играл Лео. Он складывал кубики с рунами, но они никак не хотели скла-

дываться в устойчивую башню, постоянно слегка сдвигаясь сами по себе. Мальчик старался не шуметь, чувствуя напряжённую сосредоточенность отца.

Вальтер не заметил, как уголок его рта дрогнул. Не в улыбку. Ни в коем случае. Это было микроскопическое, почти невольное движение мышц, вызванное когнитивным диссонансом. Столкновением с чем-то новым. С чем-то... безупречно составленным.

Он положил меморандум на стол, аккуратнее, чем обычно. Не в общую стопку. Отдельно. Потом взял чистый лист. Перо зависло над бумагой. Он привык диктовать. Выносить вердикты. Отвечать на эту... эту субстанцию... требовало иного подхода.

Впервые за долгое время в его безупречно упорядоченном мире появился фактор, который нельзя было просто запугать или отместить. Фактор, который говорил с ним на правильном языке. И этот фактор вызывал не злость, а ледяной, профессиональный интерес и едва уловимое, глубинное удивление.

Он начал писать. Ответ. Не гневную отповедь. А такой же структурированный, точный документ. У него были все требуемые методички и протоколы. Он их предоставит. И добавит ещё десяток уточняющих вопросов. По всем правилам.

Дуэль была принята.

Глава 8

После отправки меморандума в Студии наступило затишье, похожее на затишье перед бурей. Все нервно ожидали ответа — взрыва, молниеносной карательной проверки, чего угодно. Но дни проходили, а ответа не было. Только официальный, сухой запрос на документы, составленный по всем правилам, без единой эмоциональной ноты. Моя тактика сработала — война перешла в бумажную фазу. У нас была передышка.

Именно в это время граф фон Адлер снова появился в Студии. На этот раз — без предупреждения, но и без инспекционного вида. Он привёл Лео. Формально — «для предварительной адаптации в среде, рекомендованной Комитетом». По сути — это была новая проверка, но уже на уровне человеческого материала, который находился под его опекой.

Меня не предупредили. Я как раз проводила ревизию запасов в кладовой, сверяя кипы сушёных крыльев светлячков с цифрами в приходной накладной (которая, как выяснилось, была написана невидимыми чернилами и проявлялась только при лунном свете). Услышав непривычную тишину в главном зале, я выглянула.

Он стоял там же, где и в прошлый раз, — в центре зала, как глыба льда. Лео — рядом, прижавшись к его ноге. Маль-

чик был одет в другой, но столь же строгий и явно неудобный костюм. И снова на нём было слишком много металла и камней: тонкая цепочка на шее, браслеты на обоих запястьях, даже на ботинках поблёскивали маленькие застёжки с гравировкой. Защита. Сплошная, тотальная защита.

Ульяна, сохраняя достоинство, говорила с графом о чём-то, но мой взгляд притянул ребёнок. Не его отец, а именно он.

Пока взрослые обменивались холодными формальностями, Лео стоял неподвижно. Его большие серые глаза, словно две капли дождя на свинцовом небе, обводили помещение. В них не было любопытства. Был страх. Чистый, немой, животный страх.

Алекс, пытаясь быть доброжелательным, осторожно подкатил к его ногам один из тех самых самодвижущихся кубиков. Кубик, обычно настойчивый и игривый, подкатился к носку идеально начищенного ботинка, завибрировал и замер, будто почувствовав барьер. Лео вздрогнул и отшатнулся, спрятав руку за спину. Он не потянулся к игрушке. Он боялся её.

Потом его взгляд наткнулся на меня. Наблюдающую из полутьмы коридора. Наши глаза встретились. И тут произошло нечто странное. Его испуганное выражение не изменилось, но в нём появилась тень... не смелости. Измерения. Будто он что-то сканировал. И, похоже, то, что он «увидел», его не напугало ещё сильнее.

Я поняла, о чём подумала Лера. Моя «тихая» аура. В этом мире, наполненном бурлящей, неконтролируемой магией детей и фоновыми эманациями, я была аномалией. Пустотой. Нейтральной территорией. У меня не было дара, который мог бы вырваться наружу, поранить, напугать. Во мне не было магического шума. Только порядок. Только внутренняя, жёстко выстроенная тишина.

Лео, чей собственный дар, должно быть, бурлил внутри него как дикий, испуганный зверь, почувствовал эту тишину. И его потянуло к ней, как уставшего путника может потянуть к оазису, даже не зная, что там внутри.

Я вышла из тени, не спросив разрешения. Подошла не к графу, а к столу, где лежали обычные, немые, не магические предметы: несколько деревянных кубиков (запасных, для ручного труда), счёты, которые я пыталась приспособить для предварительных расчётов, и стопка чистой бумаги.

Я чувствовала на себе ледяной взгляд Вальтера, но игнорировала его. Села за стол и взяла один кубик. Простой, тёплый на ощупь, с чуть шершавыми краями. Я поставила его на стол. Рядом — второй. Потом — третий. Я не строила башню. Я выстраивала линию. Чёткую, ровную, параллельную краю стола. Расстояние между кубиками было одинаковым. В этом была простая, понятная геометрия. Предсказуемость.

Из угла глаза я видела, как Лео следит за моими движениями. Его пальцы, сжатые в кулачки, чуть расслабились. Отец что-то говорил Ульяне, но ребёнок больше не слушал. Он

смотрел на линию кубиков.

Я взяла четвёртый кубик и поставила его перпендикулярно к первому, начав новый ряд. Потом посмотрела прямо на Лео. Не улыбаясь (улыбка могла испугать, быть воспринята как угроза). Просто с нейтральным, спокойным выражением лица. И кивнула в сторону оставшихся кубиков.

Он замер. Борьба была видна в его огромных глазах. Страх перед неизвестным, перед возможным запретом отца — и тяга к этой странной, беззвучной женщине, которая создавала такой ясный, незыблемый порядок из хаоса.

Граф закончил разговор и резко обернулся к сыну.

— Лео. Идём.

Мальчик вздрогнул. Но вместо того чтобы немедленно подойти, он сделал шаг. Не к отцу. К столу. Один маленький, робкий шаг. Потом ещё один. Его браслеты тихо звякнули.

Вальтер фон Адлер замер. Его лицо стало ещё более непроницаемым, если такое возможно. Он наблюдал, как его сын, обычно послушный и молчаливый, подходит к незнакомой женщине, к этому воплощению «бумажной» работы, которую он презирал.

Лео остановился в двух шагах от стола. Его взгляд метнулся от кубиков ко мне. Я медленно, чтобы не сделать резкого движения, взяла ещё один кубик и протянула ему на раскрытой ладони. Не тряся, не пододвигая. Просто предложила.

Он посмотрел на кубик, потом на свои руки, сжатые в кулаки. На браслеты, которые, я теперь разглядела, были по-

крыты мельчайшими рунами сдерживания. Он с трудом разжал пальцы, и его рука, маленькая и бледная, дрогнула. Он боялся прикоснуться. Боялся, что его дар вырвется, сломает, испортит эту простую, тёплую вещь.

Но тяга пересилила. Он протянул руку и, с величайшей осторожностью, коснулся кубика кончиками пальцев. Ничего не произошло. Ни вспышки, ни взрыва, ни телепортации. Кубик просто лежал на моей ладони, твёрдый и реальный.

Он взял его. Зажал в кулачке. И поднял на меня глаза. В них был не восторг, не радость. Было потрясение. Ошеломление. Как если бы ему годами показывали только бушующее море, а тут вдруг дали в руки гладкий камень и сказали: «Вот земля. Она твёрдая. На ней можно стоять».

— Лео, — голос Вальтера прозвучал как хлопок бича, хотя он не повысил тона.

Мальчик вздрогнул, судорожно сжал кубик и побежал к отцу, спрятавшись за его сюртук, но уже не выпуская свою добычу из руки.

Вальтер посмотрел на меня. На кубики, выстроенные в ряды. На мое спокойное, бесстрастное лицо. В его взгляде не было прежнего одного лишь высокомерия. Появилось что-то сложное. Настороженность? Непонимание? Неприязнь к тому, что он не может контролировать? Его сын только что проявил инициативу по отношению к постороннему. И этот посторонний даже не использовала магии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.